

Зураб Церетели занялся любовью

Уроки Камасутры от президента Академии художеств

Сергей Соловьев

Уже за одно то нужно любить Зураба Константиновича, что он всегда дает больше, чем обещает. О его щедрости по всей академии слагают легенды: приходит, например, к нему бедный заслуженный художник с жалобами на беспросветность и тут же получает – если не мастерскую с заказами, то добрый совет или (слышал не от одного человека) матпомощь прямо из личного кошелька ЗК.

Последняя «персоналка» Церетели в стенах собственной галереи на Пречистенке похожа на такой подарок с перехлестом. В роли одаренных – его старые поклонники: балзаковские дамы, каковых на выставке больше всего, и московские власти.

Как-то само собой в среде художественных критиков к Церетели уже сложилось спокойно-равнодушное отношение. Нет уже тех памфлетов или обвинений в безвкусице, что расточались Петру Первому. При этом ни размах, ни манера художника не изменились. Мышление по-прежнему глобальное – зарядить монумент СПИДу (стоит в зале рельефов), но исполнить его по-домашнему, с ходами, которые сто раз апробированы шестидесятиниками (Прародители в некой злой биомассе). Короче говоря, Церетели как художника в арттусовке уже никто не считает монстром – его считают скучным. Одни только журналисты с опаской прислушиваются: уж не принялся ли ЗК за какой-нибудь мощный монумент у стен Кремля или еще где повиднее.

Насчет монументов можно успокоиться. Церетели отличается тем, что импульсивно заглаживает их без всяких заказов – где-нибудь да пригодятся. Экскурсоводы (а здесь, между прочим, официально проводятся экскурсии) особо выделяют три варианта памятника де Голлю, который надлежит установить у гостиницы «Космос». Они отличаются друг от друга формой одежды: первый – в шинели (он нравится автору), второй – в кителе (он понравился заказчикам), третий – в парадном мундире с крупными орденами. Примерно та же ситуация с продолжающейся серией горельефных портретов великих современников: она нарастает по мере освоения Церетели запасов российской культуры. Среди новинок (Спиридов, Даниеля, Волчек) особо впечатляет золотой Башмет, похожий одновременно на всех скрипачей Шагала.

Еще один памятник-сюрприз ожидает зрителя в небольшом закутке, где развешена графика на античные мотивы. Здесь стоит спортсмен Юрий Лужков, одетый на манер сталинских физкультурников: в руке – ракетка, под ногами – футбольный мяч. Понятно, что при всем почтении к мэру даже такой символист, как Церетели не может сделать из него Аполлона. Но художник нашел свой вариант: он показал Лужкова плотным, мускулистым Гераклом, скрыв живот за счет сильного «утолщения» спины.

Основной и совершенно безвозмездный дар-аттракцион находится в специально созданном стеклянном атриуме. Пятнадцатиметровая композиция «Познание добра и зла» – яблоко, призванное символизировать нравственность, грехопадение и все те священные смыслы, что раскрываются в любви. Яблоко работает как инсталляция – в него можно войти. Перед входом стоит знаменитая фигура мэра Лужкова с метлой, выметающего из Москвы разную нечисть (карты, газеты и т.д.). Внутри в полумраке можно разглядывать рельефы со сценами Камасутры. В разных позах и ракурсах спариваются нимфы и сати-

ры, греческие и римские пары, шествуют фигуры с большими фаллосами. Большинство изображений взято из античных росписей. Правда, в представлении древней любви предусмотрительно упущены разные античные извращения: гомосексуальные или лесбийские мотивы, каковых на вазах и в термах огромное количество (в яблоке есть один сатир, «любящий» козу).

Недалеко от композиции стоит закрытый полотном памятник Алексию II. Патриарх был болен, не смог прибыть на вернисаж. И оттого его памятник пребывает пока неоткрытым. Думаю, Святейшего не поведут внутрь порочного плода.

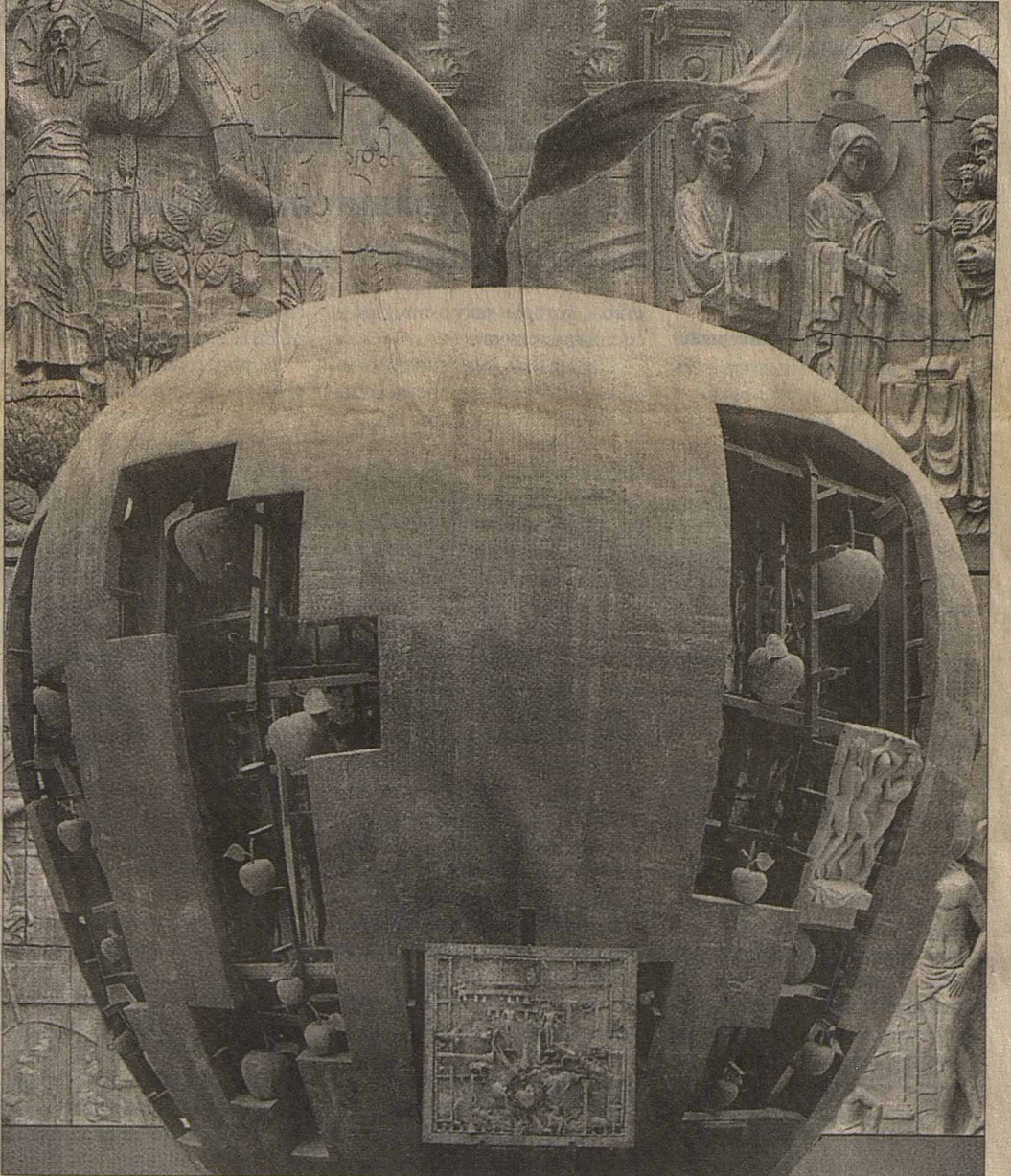
Остается добавить, что все фигуры и инсталляции в пересказе многое теряют: в них пропадает размах и появляется па-

родийность. Но в том-то все и дело, что в отличие от постмодернистов Церетели все делает всерьез и очень искренне. В нем нет подбострастного подхалимажа – он искренне любит Лужкова. В нем нет иронии – он искренне налепливает одну форму на другую, совершенно не соотносясь с пластикой. У него нет фиги в кармане – он искренне дарит что имеет. Оттого, может быть, и скучно. ■

Церетели благоволил к музыкантам. Барельеф Юрия Башмета.

Независимая - 2002 - 5 нояб. - с. 8.

Таким видится яблоко любви Зурабу Церетели.